

Елена Асеева

Времени буковка

Стихи

Елена Асеева

Времени буква. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521709

ISBN 9785449623782

Аннотация

Сборник поэтических произведений (2001–2017 гг.), не включенных в отдельные книги. «Времена Алены Асеевой вечны, как этот мир. Слова ее поэзии как бы вновь обретают свой первоначальный, сакральный смысл. Они каким-то невидимым образом укладываются в колесо времени, его звездно-солнечные циклы и уводят нас в свой заколдованно-чарующий хоровод, заставляя думать и удивляться бесконечному разнообразию мировосприятия и миротворчества». (Валентина Гончарова, поэт, культуролог)

Содержание

Валентина Гончарова. Времена Алены Асеевой	5
ВРЕМЕНА ГОДА, НАЧАВШИЕСЯ С ОСЕНИ	16
МАЛЕНЬКИЕ ДЖЕЛЛАЛАДИНЫ	40
ЦАРСКОГО СЕЛА	
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Времени буква Стихи

Елена Асеева

© Елена Асеева, 2019

ISBN 978-5-4496-2378-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валентина Гончарова. Времена Алены Асеевой

ВРЕМЯ 1. «МАЛЕНЬКИЙ АНГЕЛ СТРЕМИЛСЯ СТАТЬ БОГОМ».

Времена Алены Асеевой вечны, как этот мир. Слова ее поэзии как бы вновь обретают свой первоначальный, сакральный смысл. Они каким-то невидимым образом укладываются в колесо времени, его звездно-солнечные циклы и уведут нас в свой заколдованно – чарующий хоровод, заставляя думать и удивляться бесконечному разнообразию мировосприятия и миротворчества. Поражает та легкость, с какой автор невинно заглядывает в самую пучину тайны и выдает откровения, подобные этому: «Лишь иногда обычность вдруг вывернется наизнанку и обернется счастьем...» или «...не каждый тронут нерв, но в каждом стонут нейроны памяти». Поэт признается, что когда творит, то преображается внутренне «... мембрана, которая воспринимает...», и тогда она узнает, что «мы одни создаем небо вокруг нас...» и что, подглядывая «сквозь пелену-пелерину», мы способны увидеть, «как оживает мельничное колесо Времени», замечаем то состояние, когда «...за полчаса ты – старик. За день – тебя больше нету. И в каждом падении постиг: ответы за пре-

делами света...»

Когда пишешь о поэте и талантливом слове, невозможно говорить о чем-либо, кроме самой поэзии. Вот и сейчас – лавина поэтических строк, удивительных метафор и наблюдений буквально сметает обычную прозу и спешит, искрясь и захватывая, увлекая за собой... Нам открывается, что проживаем, «оставляя времени серу...», или: „времени пленку сдернули, и мир перемешался с мифом“. Этот мир, „... где воду пьют корабли“, „...опрокидывается вдруг к началу маленькой лодочкой старого причала...“ Этот мир наполнен древними вопросами: «Что с нами делает время, хмель и разливы Грига?» и «Как нам жить?!», когда «Лишь невольники мы Судьбы колеса».

Мир космических метафор Алены Асеевой молод, но от этого не менее пронизателен и глубок, он полон новых ритмов, дерзает смело, головокружительно. Духовное, художественное, психологическое внедрение в космос в поэзии не имеет пределов. И Алена Асеева черпает из таинственного источника полной мерой, поражая нас своим невинным наитием, интуицией: «Настоящее – миг, остальное – пучина из грез»...

ВРЕМЯ 2. «ПРИРОСЛА ЛЮБОВЬЮ И ПРОРОСЛА...».

Древнее предание гласит: «Есть четыре книги: природа, Библия, человеческое сердце и звездное небо. Все четыре

книги говорят об одном, надо только уметь их прочитать». Строки о любви из сердца поэта полны печали и целомудрия: «Здравствуй, далекий... мы прочли друг друга в мечтах», «... по краю неба прошли мы, не сказав ни слова», «... А сон не кончается, он там обрывается, где я уже не хочу...». Любовь поэта – это мечта: «...проснуться с тобой на руках, с буквами на губах». «Да, я болею тобой. Сухой травой оставайся... Нетронутый оставайся, некаянный. Я с тобой до скончания в небесах и в слезах...» – умоляет поэт в разлуке, в унисон звучат слова: «нет тебя, но колдуешь в тающих нотах скорбью фаготов, в бликах и струнах скрипок, взметнувшихся в поднебесье...». Любовь верит: «Измены не будет меж нами, лисой проскользнувшей. Чисты перед Богом. И, если желали кого-то, то только самих себя...». И следом этот вывод, достойный познавших опыт жизни, но не таких юных, как автор этих строк: «Любовь? Она навсегда – распад, в котором секунду вместе».

От сердца – к беспредельности. Круг замкнулся на ней и в любви: «Я тебе принесу, как жертву, мой сосуд из любви и ветра. Бесконечность – рядом...».

ВРЕМЯ 3. «ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК, И БОЛЕЕ НЕ ЗВУЧИТ ТАК ГОРДО – ЧЕЛОВЕК».

Не так уж много лет автору, а сердце её обладает сверхчувствительностью, и это – тяжело: «... но дай мне сил все

чувствовать не всем сердцем, а его половиной...».

Сила характера и мужество, почти пророчество звучат в словах, обращенных к современникам: « Терпи. Сожми зубы. Терпи. Плохо будет. Потом еще хуже. Никто не нужен никому в мире этом... ». Поэт признается, что в минуты отчаянья «... скулила и жаловалась только дождю». Девизом звучат слова: « Жить и не возражать, жить и ждать... ». Но не погибли еще колоски человеческого величия, его полузабытого достоинства, права на него в этом мире продаж и цен, и поэт как бы шепотом молвит: «однако хочется верить, что ты – бесценен...»

Цельная натура, она живет и страдает в необъятном пространстве, она его часть: «По берегу дымкой и миррой растаять, а лира потом... Оставьте лишь сердце с крылом и длинное многоточие...».

Отношение к поэту и поэзии такое же серьезное, как к жизни и правде: « Но не хочу быть сладкой: так много боли над вдохновением! ». Обращаясь к поэтам серебряного века, их трагическим судьбам, она признается: «стыдно за тепло, кровать, библиотеку», которые есть сейчас у нее, а у них – бездомье, скитание (А. Ахматова, М. Цветаева), гонение и умалчивание (Б. Пастернак) и даже каторга (О. Мандельштам). Русских поэтов 20-го века наша юная современница из 21-го называет «спутниками двадцатого стона, двадцатого селя...», которые «бесхитростными были, жгучими» и «уходили... беспечно, стеклом треснутым, вечным».

Как это точно подмечено: истинный талант всегда бесхитро-стен и беспечен, ему чужды расчет и ложь. О бесчестье, ви-димо, автор вопрошает, глядя на тщеславие графоманов, пи-шущих сегодня: «Лучшее собрано в человеке, но почему же этот мир так дешев?». Жизнь, в которой нет места культуре, духовности, поэт сама себе решительно ампутирует: «Все, что было – вырезать, все, что было – забыть! Все глаза, что любила, все, все, все -не любить!». Она тяжело переносит «боль поколений, ненависть предков...». Ее современникам достался «мир в кандалах безобразного ила», «мир из объед-ков». К счастью, поэт обитает в ином пространстве, он спа-сается творчеством, где можно бичевать и пророчить, быть истинным и искренним. Это мир отшельников и одиноких смельчаков.

Поэт тонко чувствует музыку, ей посвящены многие ее стихи и размышления: «Александр Симич, композитор. Он написал гениальные вещи, но им хлопали меньше, потому что он серб и потому, что они были сложны и красивы. Я видела его глаза. В них была сила и доброта». Аспирант-ка, теоретик тайн искусства, поэт и художник, Елена Асее-ва чувствует боль этого мира особо остро. Она просит люби-мого: «Возьми меня хоть куда от тиканья мыслей и мира... Нелепо скрипеть пером, когда под ногами топи! Возьми ме-ня всем нутром! Боишься? Да... Люди – не Боги!».

ЦЕМ-СЕРДЦЕ МИРА».

Но есть Утешение, есть место на Земле, где сердце автора успокаивается тихой радостью. Это место – городок у моря ГЕЛЕНДЖИК и само МОРЕ! Им автор посвятил упоительную симфонию: «Я напишу симфонию моря – можно? Можно я обниму весь мир солеными, мокрыми руками?». В свои права вступает время Лета: «Утро, пляшущее на сизой волне дымкой, я снова с тобой, ЮГ! Шепчу морю – скрой все потери, оставь лишь это: шорох волны... – Лето». И место, предназначенное Геленджикю, – сердце поэта, музыканта, всех, творящих радость и мысль. В своем интервью геленджикскому радио Алена Асеева призналась, что Геленджик для нее – не только родник вдохновения, а некое существо, как море, живое, творческое. Геленджик – это друг, который согревает, Геленджик – это тихое, мудрое, отрешенное от мира место. Это – юг, это – грусть. «Красота – это всегда потеря, бесконечный курортный роман, когда всегда страшно потерять то, что бесконечно любимо». В этом воздухе и пространстве поэт преображается внутренне.

Санкт-Петербург – вторая родина Алены, это место ее учебы, творчества, насыщения высоким искусством, место любви, замужества, место работы в американской компании дизайнером, место научных изысканий по теме своей диссертации. Интересно, что Алена органично связывает город на Неве со своей первой родиной – Геленджиком в части

обилия талантов и творческого потенциала

Время весны приходит к поэту на севере: «Солнце палило в марте. Здравствуй, мой новый Мартин!». Образ из сказки Андерсена подсвечивает строки знакомыми бликами детства, и мы чувствуем радость времени света и пробуждения, когда земля мечтает «перетерпев половодье сбросить зимы поводья». Хотя «белый шаг на снегу» во времени зимы отмечен у поэта своим светом и рисунком: «В желто-серой грязи облупившихся стен ты светлее всего, господин Первый Снег».

Она любит Россию, считает, что за нашей страной будущее, и призывает всех не покидать ее, а помочь ее возрождению и расцвету, каждый по мере сил.

Чайка остается с нами. Это имя Алена получила после знаменательной геленджикской выставки своей графики «Памяти чайки», которая произвела фурор на курорте и получила высокую оценку истинных поклонников красоты печали.

Поэт и художник, она на своих картинах оставляет тонкие зарисовки нюансов чувств: «Жарю пьяная, клянусь вами – моим зноем, моими волнами – отдаю все за прикосновение розовых чаек!». О беспредельности вод, у которых приютился наш уютный город, поэт и художник говорит: «Животное, самое любимое, сильное и невинное – Море». А на другой картине: «Южное изнеможение, колдовство цвета... Свистящей ласточкой, цикадой... отдам, что имею – себя не жал-

ко!»).

Город юга – святое место, место мысли, света, слова и цвета: «На том краю пустоты, у берегов туманной воды, в другой жизни, мысли возникли, песни». И она приемлет этот мир, потому что у нее есть море: «Мир морем обнять... Ветренный берег заката Страшно так – но так сладко...», это уже вечная душа говорит: «Я вернусь снова вне границ тела. Над пустошью тлена средь веток, под тяжестью фруктов, склоненных в момент зарождения солнца нового».

*Валентина Ивановна ГОНЧАРОВА, поэт, культуролог, член
Союза Писателей 21 века и
Академии российской литературы.
Сентябрь, 2002 год.*

*Память жжёт костры,
Или просто затопили каминны —*

Я помню это...

Ко мне пришла память?

*Я разложила на полу подрамник и кисти,
Я помню что-то,
Я помню что-то свыше,
Чего не существует в этом мире.*

Принесла с балкона клеенку и тряпки...

Оно не из моей любви, не из моих воспоминаний.

*У тебя есть время рисовать ангелов,
Помнишь?*

*Мне так холодно,
Я так скучаю.*

*Синий мир у порога,
Они пришли,
Они за окном.*

Они ждут тебя...

ВРЕМЕНА ГОДА, НАЧАВШИЕСЯ С ОСЕНИ

1.

Грусть и тишина. Тишина и грусть.
Я тебя боюсь – я тобой клянусь.
Желтая листва навевает сон.
Кто в кого влюблен?

Серый полумрак замерших домов
Осени глоток -поминальный звон.
Съезжившийся лист памяти моей-
Нет тебя желтей.

Тишина и сон. Зябкие дома.
Серая листва. Прошлые слова.
Ты всегда права,
Осень...

2.

Ночь. Пустота. Электричка.
Нелепость мечты.
По привычке
Я раскрываю глаза широко

И смотрю на звезды.

Даже ломая пальцы
И зажигая спички
Нежности и оправдания
Мне не найти отмычки
К тем нелепым вопросам,
Что совесть есть и
Вечный порядок.

Ты сладок мне. Ты мне гадок.
Мой вечный ненужный зов.

3.

Давай ты уйдешь быстро.
И пусто не будет- нет смысла.
Ногтей обгрызенных боль.
Немножко соли слез в глазах.
Уйди, прошу.
Уйди, прошу.
Держи, не отпускай.

Но как влечет эта теплая пропасть
Где губы, цветы и молчанье.
Держи меня, не отпускай
Я могу сорваться и улететь
Как осенний лист – в пустошь.

А в глазах ты читаешь смущенье
И твой голос дрожит.
А руки мнут чье-то имя вечное.

Мама, спаси меня.
Иди ко мне.

Я тонкий лист,
Который мечтает сорваться и улететь
С осенним ветром.
Теплым фетром
Другой души

4.

...а утром был туман.
И желтая пыльца
Осенних листьев
Заблудилась в сером.
Покошенный фонарь.
Засыпана вода.
Глухие голоса.
Зеленое на белом.
И кажется неведом
Земле немой покой.
Пока октябрь со мной.

Пока своей росой
Он засыпает парки.

В кружащейся листве,
Тоске и перепалке
Ворон из облаков.
В движении домов
И листопадьем гаме
Я грусть твою читаю.

Откройте руки мне-
Вложу в них тишину
Откройте сердце-
Дам вам боль и слабость.
Я в каждой осени как в проклятой тону
И в каждой осени вас отрезвляет сладость
Природы на краю.

Октябрь. Тебя я пью.

5.

Как тяжело сегодня дышать,
Как тяжело нести на себе все это —
Жить и не возражать.
Жить и ждать.
Жить и жить в другом
чем-то —
теплом и дорогом.

Как вокруг им всем скучно!

Храни их...

Тяжело сегодня думать о светлом
– когда идет дождь и сыплются
слезы с неба.

В каждой осени есть
время скорби.
И в серой робе
она проплывает мимо,
покорно топча
шлейф желтых листьев.

Невыносимо.

Кажется – ты
невольник
чьей-то неловкой кисти.

Скорбь. Пронеси же
над этим миром
Не задев.

Хотя это пустое желанье, право,
Но дай мне сил все чувствовать
Не всем сердцем,
А его половиной.
Тупой пуповиной.

Пусть боли не будет сильной.

Лишь чуть-чуть.

6.

Фабрика. Судьба. Чьи-то
Руки в требующей немоте.
Не глядя. Он нигде. Я нигде.
Чьи-то в глазах мозоли и
Затаившийся сгусток в сердце.
Чужие ночи. Чужие боли.
Меня, за что ли,
вы выбрали звезды и небо
этому человеку
снова не в этой роли.

Я не прошу прощенья.
но мне не нужен никак.
Отчего глаза так близки?
Пустяк. Сгиньте. Сгиньте. Сгиньте.
Что со мной?
Да так.
Это ты пришел, ноябрь.
И твои сумасшедшие дети.
Сжатого сердца сети.
глоток в пересохшем горле.
Розы пахнувшие словами.

Идите...

Бог с вами.

7.

И было солнца немного,
И было света немало,
Зима подбиралась тихо —
— потом все пропало.
Ноябрь красотою скудной
В печальной графике леса
Казался тяжелым, мудрым,
в скупой простоте неуютной,
но все же немного тесным
для снега — зимы куролеса.

И в этом холодном бесснежье,
в постной неяркости парков,
Той жизни уже не жалко
ее нам не кажется мало —
— что было сиюминутным
с последней листвой пропало.

Крылатые черные точки
На небе стальном и вечном —
Их крик отзовется эхом
внутри тебя бесконечным.

8.

Желтые крыши домов
Смятые провода
Над тобой вода,
под тобой вода
Но кажется это
Называется снег...

Белый бег сырости
мерзлой
с неба в ладони-
в нем ли утонем?
Вот и пришел он —
первый вестник хрустальных недель.

Ленинградские зимы похожи на слезы,
Будто в вечности вьется немое прощанье —
Обещание лета.
– Лета нету.
Лишь пушистое предвкушение
вьюг немых,
да отчаяние.

Я тебя проклинала,
Я тебя умоляла,
Подождать хоть немного,
Постоять у порога,
Не спешить засыпать порошком
и стеклянным горошком

Зелень поздней травы.

Но увы.

И уже все равно.

Мы пока что на «вы»,

Мы к друг другу еще не привыкли.

Вас не ждали,

От вас мы отвыкли —

Вздохи скорой зимы.

Первый снег.

Я кричала весной,

Бормотала в июне,

Заклинала росу в октябре.

Я шепчу с первым снегом, согревая ладони —

– «Я нигде», но в прекрасном нигде.

В желто-серой грязи

Облупившихся стен

Ты светлее всего

Для меня.

Господин

Первый

Снег.

ноябрьская электричка на Пушкин

В полумраке вагона
Ей помнились чьи-то глаза
Липкой музыки ритм
Дождь и флирт
Туч осенних с зимней рекой
И тугой декабрьский покой.
И порой так тянулась гроза чьих-то чувств.

Ты не рад что смотрел на меня?
Все прошло.
Невпопад.
Сыпь дождя. Сон дождя.
Сырь вокруг. Кто мне друг?
Только пары две карих глаз.
Против вас моя третья пара.
Вас мне мало.

Просто так.

10.

январь

Снег. Туман. Тишина.
Прозрачное. Молчащее.
Спящее глубоким серым сном —

ненастоящее.

Ни души. Крик ворон. Дремлет парк.

Я бреду.

Полумрак сизой мороси воздуха.

Белый шаг на снегу,

Я в тебя упаду

Пыльно-нежный январь.

Зима терзает, морочит

пугает ночью

И бьет стылým ветром в окно.

Но когда есть молчашие утра —

Все равно.

Как окно сквозь слова —

И снежинка права, что плывет на ладони.

Снежным солнцем растаем,

В снежном небе утонем.

Укутал мир белой ватой колдун бесноватый-

Млечное диво.

Где сказка, где чья-то смерть.

В детстве ль все это было?

И мы вспоминаем ночью

Во сне холодея.

Зима пророчит.

А снег ласкается

Мягкой кошкой.

Такая вот круговерть.

11.

До боли в матке казалось
желанье росло —
Она улыбалась.
Чему?
Весне.
И тому, что проснулось
Щемяще-знакомое чувство.

Солнце палило в марте,
Здравствуй мой новый
Мартин.
Нежный неслышный вздох.
На пол минуты бог
И на всю жизнь полоска.
Букв карандашных сноска,
Странная светлая горстка
Сладких ненужных строф.

Я буду ходить больная,
Носить тебя на ладонях,
Шептать губами немое,
Цепляясь за облака.
И колдовать словами,
Бредить и ждать —
Кто знает?

Солнечное истощение
Судорожная река...

И в безответной скорби
Выход один невольный —
Перетерпел половодье,
Сбросить весны
Поводья.

Маем, венцом крамольным,
Влажно сдавить глаза...

12.

Спокойно. Тихо. Эмоций нет...
Ты одна и в ником нет нужды
Их следы в теплом воздухе
Мотыльки.
Убег. Замолчи. Укради.
Пары две карих глаз-
Я тоскую без вас
Я вода, что течет
В никуда.

Вновь ожившего неба стада.
Небеса, рек бурлящих гроза
Гипнотический транс
Предапрелья.
Своему существу не веря

Забери меня
Вдаль
Сиплый скудный февраль
От весеннего
Сумасхождения.

13.

Боль должна быть больной,
И любовь жить весной,
И остаться твоей на словах.
Прах мечты?
Просто кто-то скулил в моих снах
Про усталость брести впотьмах.

Но я помню на ощупь тепло и
Смущенье.
Пьяный блеск, тихий гомон,
Немое кипенье
Несложившихся двух.
И дорогу. И слух,
Напрягающий мускулы
Где-то внутри.

Я кричала: «Лови!».
Не поймал...
Бог храни.

Ну и слава тебе.

Там легла пелена
Коньяка и тоски-
Нерадивых советчиков.
И не с руки
Было землю топтать пополам.
Я тебя не отдам?
Но была я не вправе
у кого-то кого-то красть.
Вот такая вот подлая страсть
Силы разума,
Власти надстройкой.

Фрейд не прав.
В подсознательном двойки.

14.

Новый день.

Колдовство весны.
Липкие сны —
воспоминания
О чем-то прошлом.

Не моем.
День втроем – я, время,
Тянущееся из оттуда,
И кто-то тихий их пыльного чуда
Забывших фильмов.

Чужих романов.
И я качаюсь плавно
На волнах наблюдения мира.

Странно все. Нелепо и мило.
Третий день внутри
Парадоксов времени.
В капсуле пространства
Без роду без племени,
Чьем-то флирте.

Невольном бремени.

Рассказ, что
Сам себя пишет.
Музыка, что себя слышит.
Зритель, смешанный с
Репродукцией.
Мир потерял конструкцию-
Я же внутри него-
И ликую.
Я его ретуширую,
Его формирую.

Мы одни создаем небо
Вокруг нас.

Что-то произойдет?

В какой-то момент
Мир подергивается пеленой
Оборачиваясь стороной иной
И ты бредешь по жизни
На 10 см.
Над землей —

И наблюдаешь.

День иной. Свет иной.

Люди ходят не так как обычно-
Медленнее и непривычно.
Что это значит?

Лишь, что
Этот день Твой.
Только твой и ничей иначе.
Там, где реальность
Отмычки прячет
За них вдруг возьмешься
И обернешься
навстречу двойному себе.

Это дурман весны?

Это дневные сны?

Это бред наяву?

Просто тебя зову,
Скрытая сущность вещей.

Этот день
Был ничей.

Его забираю с собой —
Сизым небом, морозом, весной
Толкотней машин и грачей,
Перепутанностью мелочей.
Возней голубей,
Оттаявших мошек.
Грязью прохожих
Сумасшествием кошек
Оравших всю ночь напролет.

Что-то произойдет...

Будни все
На тебя похожие
Я забываю,
Себе оставляя один.

Вялотекущий сплин
Смешанный с эйфорией.
Все остальные немые.

Здравствуй, мой день-исполин.

16.

...Где в этом мире одна грань
Где другая?
Весна без конца и без краю
Неразгаданность жизни,
Спутанность мыслей и
Притягательность женщин.
Вдруг невозможность
Чувствовать
Без явных реальности
трещин.

Ты был сегодня с краю.

Я имени твоего не знаю
И кажется понапрасну
Пытаюсь я совместить
Словами себя с тобой.
Где начинаюсь Я.
Кончаешься Ты.
Друг мой немой.

Летаю...

Меж двух миров и свобод
Без имени и хлопот.
Для идентификации нет смысла,
Нелепая шкала риска,

Неторопливость мыслию.
Что делать?
В пространстве зависнуть
Ища беспечно камень
Противоречий?

Я люблю всех:
Женщин.
Мужчин.
Весну.
Бесчувственность или грех.
Я песнь немая утех
И стойкий голос сознания.
Святости нет в незнании,
Лишь только боль от прорех
На тонком тучливом небе.

Нищ.
Но страшно безбеден
Что все мое, без помех.

17.

...и плакало небо
Слезами из снега
И прошлыми мыслями.
Пошлыми письмами
Игрой неоконченной
Растраченных чувств

Казалось изменчиво
Крича беззастенчиво
В весне задыхаясь
Я в небо лечу.

Лечу.
Свод ломается.
Оно надрывается
Рвет ветреной морозью
Снегом в лицо.
А сон не кончается
Он там обрывается
Где я уже не хочу.

Считай своим данное
Нелепое, странное
Что сделано,
То твое.
Я времени буковка,
Булава и пуговка.
Так есть.
Лишь вокруг воронье.

Пасхальные праздники,
В любое ненастье
Быть может исправите нас?

Где жизнь, где сумятица
Куда-то все катится..

Где грязь одна, а где глянец.
Когда все устроится?
Душой успокоится.
Такой вот уж
Мезальянс.

18.

Боль.

Друг против друга.

Боль —

дурная подруга.

Боль,

Ни слова, ни звука
я тебе подарю.

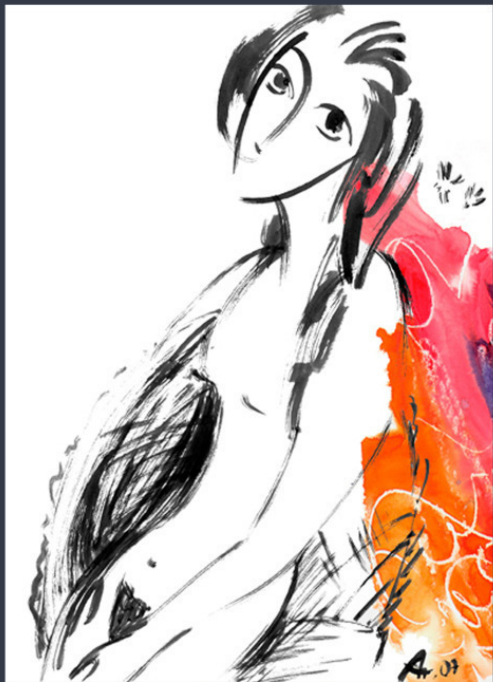
Все
Начнется сначала
Так
Мне глаз этих мало
Лишь кричащая рана
Что сказала?

на «ю»

столько
рифм есть банальных,
двух сердец
ненормальных,
скрип зубов,
хрип отчаянный,
свист безумства в ушах.
оставайся нетронутый,
оставайся некаяный,
я с тобой до скончания
в небесах и в слезах.

как нам жить?
лишь невольники
мы судьбы
колеса.

Ст. Петербург, 2001

МАЛЕНЬКИЕ ДЖЕЛЛАЛАДИНЫ ЦАРСКОГО СЕЛА

1.

Господи, пусто
Так пусто что хочется скулить,
Как лисице тявкать
Как брошенному щенку выть.
Нет надежды и нечего пить.
Когда нечего пить ты
Умираешь от жажды,
Быстрее чем от холода.

В этом мире холодно.

Придумай себе что-нибудь,
Но как?
Первый день лета.
Опустошения
И ответа природы
На огненный обруч весны.
Май.
Оставь мне свои сны.
Может уехать к морю?

Здравствуй, июнь,
Я тебя никогда не хочу и
Я в тебе каждой клеткой,
Рождена зимою и
Рождена летом,
Крещена солнцем и
обласкана светом.

К морю.
Возьмите меня к морю.

Я нарисую себе
Смех весны и щемящую
Осень.
И там останусь.
В висках проседь.
Тихую морось.
Ростки под землю
Желтое и туманящееся.

Неотъемлемое.

Немое.

Заберите меня с собою.

В грусть рождения и
Умирания.

К морю.

2.

когда уходит театр, театром становится жизнь

...немножко обидно,
Немножко неловко,
Но в этом городе
Совсем недолго
Жил Федерико Гарсия Лорка.
Но я была всего лишь ребенком
И помню лишь
Память о нем.

Несли с цветами корзины,
Клялись, что сердца не остынут
Наверное так и было —
Но время хранит лишь камни
И вечность арктических льдин.
А камни стоят как стояли,
Как будто ни в чьей печали
Вам никогда не кричали:
«Маэстро, вы исполин!»

И все.

Тишина наводнила
Окрестности.

Виноградные склоны,
Солнцем жженные местности,
Спину моря, качающего корабли.
И люди несли все также
К нему свою жалкую ношу и тел
Оплывших поклажу,
И мысли, и серые дни.

Ты помнишь?
Совсем недолго
Здесь жил Федерико Гарсиа Лорка.

И голосом звонким
Приветствовал город,
А на камнях ласкаемых морем
Написало было: «Смеющийся болью».
Ты скрасил ветер, соленость
Соли и зыбкость бризов,
Несущих на волю
Играющих чаек стон.

Он был тончайшим.
Он был незримым.
И город плакал над
Перлимлином.
Ушел и продолжился
Стаей дельфинов
Разбрасывающих горизонт.

«и ветер умолкнет ночью,
обряженный черным крепом.

Но ветер оставит эхо,
Плывущее вниз по рекам.

А мир светляков нахлынет-
И прошлое в нем потонет»

Совсем недолго
Здесь жил Федерико Гарсиа Лорка.

И ты держал его сердце
Недолго,
И сердце было огнем.

Быть может
Продолжиться
В нем?

3.

Господи, ну как так можно жить,
Когда на улице солнце,
На улице ветер и радость
И ты одна.
Одна и однее на свете нет никого.
Дайте мне в руки что-то,
Дайте опьянение,

Надежду.

Что могло бы поднять над землю

Я не хочу видеть ничего

Этого обычными глазами.

Глазами,

Над которыми нет света, тумана, буквы.

Боль проходит -у меня есть компьютер,

Язык и желание ускользнуть.

У меня есть белый экран и я перестаю плакать

Потому что никто сейчас не мешает

Жать на серые клавиши.

Одна.

Держаться.

Слезная слякоть.

Одна в мире, где вокруг люди,

Но они далеко до жути

И ты им настолько не нужен

Даже жене и мужу

Миру всему не нужен.

Июнь.

Как я смогу пережить сегодняшний день?

Одна.

Однее меня лишь тень

Висящая за спиной

Друг мой немой.

По верхушкам деревьев пролетало лето
Тебя задевало забывчивым светом.

Все.

Прости Бог

Это не угрюмость

Это потребность мечтать.

Взять в руки нити твои и убежать.

4.

Тише.

Тише.

Тише.

Сердца никто не услышит.

Прощанье уже впечатано

И зрители разошлись

Вроде предел

Представлению,

Но оставляют мгновение

На тишину закулисья,

На откровение.

Arrividerci, друг,

Без масок, без грима.

Так просто

Проходим мимо

Выстроенных небоскребов,

Асбестовых пирамид.

В серой одежде
С той кромки мола
видим глаза

В топких зрачках другого.

Сказано слово.

Прощай.

Мы поиграли немного
Приятная пьеса.
Ты как бы поет
Я стюардесса.
В лайнере меж времен, языков и свобод.
Мечтали друг друга, сами
Себя составляли словами зная,
Что будущее не с нами
В несхожести непогод.
Тех, при которых мечтали.
Едва ли верили в это.

Лето.

Но с нами еще
10 минут искренности закулисья —
И снова надену походку лисью,
И снова за небосвод.

5.

Жалей себя, девочка.

Телеманн.

Февраль возьми в свой покой.
В графику леса, в скупость цвета,
В напоминание текста на белом веере снега.
В другую музыку, к другому свету.

Грызи себя, девочка.
Цепляйся зубами.
Нет неба кроме того, что над нами.
Встань. Оглянись. Это есть жизнь и с ней
Стоит сразиться. Но Бог мой.
Я только птица.
Мне бы кружиться над миром,
Мне закопаться в глину,
Мне стать листом и прожилками ниток,
В жизнь проникнуть,
Взглянуть на изморозь изнутри
И быть к ее нотам пюпитром.

Меня забери. Меня отбери у цвета
Мой сизый тихий
Февраль.

Мелко, я знаю,

Себя отворяю так сильно
Порой, что потом
не состыковать
частей разбросанных половины.

PUZZLE

Собой собираю картину
И потом разбиваю ногою
Оставив в словах
Ее очертанье немое
И уничтожив сознание.

Ассенизация знания.

И выскоблив душу
Ты слышишь,
Что ноющий звук
Будет все глуше и глуше.

Каждому организму есть время на
Умирание.
Освобождение памяти.
На незнание.

Те же сантименты и одиночество.
Анатомия любви. двадцать первый век.
И больше не звучит уже так гордо —
— человек.

6.

две июльских песенки к Юлии

Ртуть.

Рыжих кудрей жуть.

Потом пустота.

Прозрачная пленница воздуха.

Ты в пальцах тонких держишь посохи
развенчавшие вечность.

Тем что горишь

И в сердце всполохи.

Кудрявые шорохи

Невинности,

Что беспечна

И грешности,

Что права.

7.

никто тебя не достоин?

помечена этим даром-

– любить.

Этим проклятьем.

Этой болью,

Отталкивающей смельчаков

И Робин Гудов,

Дышащих в спину.

Проклята странной ролью
И освящена навеки,
Высшее в человеке
Собрано в этой горстке
Тающих
Оогоньков
И волосах кипящих,
Огненных,
Ненастоящих.

8.

Цветаевой

Здравствуй сегодня,
Марина,
Сегодня открылась мне
Та, чье сердце повинно
Та, чье сердце в огне
В том, которым повинна.
Кровь ее,
Что пьяняще-винна
Голос твой,
Щемящий в висках-
— головная боль и моя ангина,
тончайшая ты —
тоньше волоска.
Горящая

Мудрейшая
Простая.
Я приношу себя
Немножечко
Тебе,
Врастая.

9.

Может кто
Заплачет обо мне
Также через будни лет.

И оставит
След слезы на
Своей щеке,
Как горячим ручейком что-то
Вдруг взвилось во мне
В глубине и в кабаке
Слов, привязанностей,
И вездесущей глины.
Оставляю этот след
Для тебя,
О тебе.
Напишу потомкам-камням
Имя брызжущей любви,
Их потомъечьему
Бешеному миру-
– Марина.

10.

красною кистью рябина зажглась...

Окликанье Звезд,
Ветреный погост,
Рождена была
Днем окликанья звезд.

Крещена была
Над колыбелью
Тишиной и
Божьим умилением,
Взирающим
Ннеслышно
Как потом
Бродила вдоль грехов
И ветерков.

Ни то, ни се —
Неведома зверушка
Его удивлению.

Небовы врата,
Съеженный погост,
Рождена была
Окликаньем звезд.

Девушка. Белая ночь,
Бутылка вина и хлебцы,
Наверное, чья-то дочь,
Наверное, чье-то сердце.
Ступенями в тишину,
Подъездами желтого цвета,
Дворцу Александра,
Ему, мы воздали честь
К рассвету.
Бутылка вина, сизый цвет
Бескрайние белые клочья
На небе. Сирень над тобой.
Сиреневое междустрочье
Во мне. Свод дворца,
Полумрак.
Предсумрак,
Ресниц перспектива
Пьянят. Не видать конца,
Цедящая ночь картина.
Струенье. Движение слов в
Друг друга, разузнавание.
И над тобой – сонм девических снов.
И надо мной- смех сознания.

Простое до глубины души
Вы можете заморочить.
Мы в белые ночи вошли,

Остались в них белой ночью.

12.

представь, ты заходишь в дом
чужой незнакомый дом
давным-давно временем брошенный
и белые ночи вокруг
и сизое небо кругом
а ты стоишь как подкошенный-
– маленький календарик
желтого железа,
в нем цифрам двум тесно,
и цифры те-
26 февраля.

Но как?
Знак?
Чему, боги?
Змее?
Дальней дороге?
Что вы всегда так говорите-
Сложно, странно.
Быть мне отторженной,
Быть мне пьяной,
Качаясь от счастья
Или сжаться в комочек?

Чудные вы, боги,

Не жалко вам дочек.

13.

Безропотно.

Одиноко.

Брошено.

Колос скошенный...

Здравствуй, колосок.

Утро, проросшее параллельными

Нитями

То ли ассоциаций,

То ли наитий

Шагаешь нетвердо

По улицам.

Летать!

Веселиться!

Не хмуриться!

Утро —

Наседка-курица,

Балующая цыплят

Солнцем,

Слепящая до мокрых глаз улица.

В одиночество брошен город
И каждый в нем.
Ты умен, ты молод
И банальный такой холод
Внутри. Малодушен, робок?
Безнадежен?
Тебя – солнцем по щекам!
Тебя – огнем!

Да...
Сквозь пальцы вода
Мир.
Останется кто
С ним.
Щемящий,
Залитый пухом,
Прозрачный от света.
Одно воспоминание-
Лето.

Утро.

Иду в толпе метро качаясь от ветра.
Обклеенное афишами и пустяками
Лето.
Засыпанное тополиным снегом и небом
Лето.
Гудящее ларьками и воробьями.

Я обожаю эти после
Бессонных брожений утра.
Их
Между «само собой» и
«как будто».
На цыпочках,
Потому что всей ступней
Трудно —
– боишься их испугать.

Полушепотом.

Полуртом.

Полуутром.

14.

Люблю одиночек

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.